

УДК 347.1
DOI 10.36511/2078-5356-2019-4-192-197

Пермяков Антон Викторович
Anton V. Permyakov

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Тюменский государственный университет (625003, Тюмень, ул. Володарского, 6)

candidate of sciences (law), associate professor of the department of civil law and process
Tyumen State University (6 Volodarskogo st., Tyumen, Russian Federation, 625003)

E-mail: permyakov.antony@gmail.com

Кириллов Дмитрий Александрович
Dmitry A. Kirillov

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Тюменский государственный университет (625003, Тюмень, ул. Володарского, 6)

candidate of sciences (law), associate professor, associate professor of the department of civil law
and process

Tyumen State University (6 Volodarskogo st., Tyumen, Russian Federation, 625003)

E-mail: kdakda@mail.ru

Сравнение логических конструкций добросовестности в российском гражданском праве и невинности в российском публичном праве

Comparison of logical constructs of conscientiousness in Russian civil law and guiltlessness in Russian public law

Авторами исследована схожесть логических конструкций добросовестности в цивилистике и невинности в ряде публичных отраслей российского права. В статье обоснована корректность сопоставления признаков виновности в разных отраслях права. Авторы проводят сравнение моделей невинности и добросовестности, дают понятие добросовестности как правового состояния.

Ключевые слова: добросовестность, невинность, сравнительная характеристика, упрощенная модель, правовое состояние.

The similarity of logical constructs of conscientiousness in civil law and guiltlessness in a number of public branches of Russian law was examined by the authors. The correctness of comparing guilt signs in different branches of law was justified in the article. The authors compare the models of conscientiousness and guiltlessness, give the concept of conscientiousness as a legal fact-condition.

Keywords: conscientiousness, guiltlessness, comparative performance, simplified model, legal facts-conditions.

Поводом к написанию статьи послужил базирующийся на современных правовых реалиях анализ содержания двух устанавливающих презумпции групп законоположений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Это пункт 5 статьи 10 ГК РФ в части презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и пункт 2 статьи 401 (п. 2 ст. 1064) ГК РФ, устанавливающий

презумпцию виновности лица, нарушившего обязательство (причинившего вред).

Исходя из оценочного характера понятия «добросовестность» с новой силой заявляет о себе сходство текстов, используемых для обозначения добросовестности в цивилистике и невинности в публично-правовых отраслях. Однако обоснованными выглядят не только гипотеза об, очевидно, единой логико-правовой

© Пермяков А.В., Кириллов Д.А., 2019

основе данных разноотраслевых конструкций, но и тезис о схожести составов невинности и добросовестности непосредственно в цивилистике. Проявилась ценность идеи почти двадцатилетней давности о необходимости универсализации соответствующих презумпций, поскольку, к примеру, по мнению В.И. Емельянова, презумпция добросовестности и презумпция вины в цивилистике — взаимоисключающие понятия [2, с. 114].

Учитывая востребованность адекватного осмысления добросовестности, а также изученность невинности в различных отраслях публичного права, мы сочли уместным использовать возможности межотраслевого подхода и провести сопоставление логических моделей добросовестности и невинности.

Не соглашаясь с суждением о недопустимости привнесения «в имеющую многовековые традиции цивилистику» чуждых ей уголовно-правовых учений [3, с.568], в частности, об основаниях ответственности [3, с. 5], мы для сравнения добросовестности в цивилистике и невинности в публичном праве сочли возможным не использовать «чуждые учения», а в порядке компромисса применить доктринально-отраслевой подход налогового права.

Начнем с исходных замечаний о добросовестности и смежных понятиях.

Из текста статей 302, 335 ГК РФ, по нашему мнению, следует, что добросовестность — это субъективное состояние лица, которое, реализуя в ходе своего волеизъявления непротивоправное целеполагание, не знало и не могло знать (не знало и не должно было знать) о юридической ущербности существенного для достижения цели фактического обстоятельства. Для обозначения добросовестности использовано два словосочетания — «не знал и не мог знать» (ст. 302 ГК РФ) и «не знал и не должен был знать» (ст. 335 ГК РФ).

Аналогичные статьям 302 и 305 ГК РФ конструкции реализованы, соответственно, в статьях 222, 698 ГК РФ и в статьях 174, 189, 358¹⁷, 901, 903, 926⁵, 1019, 1022 ГК РФ. Схожие по смыслу, хоть и не столь очевидные терминологические конструкции встречаются и в других законоположениях [4, с. 352].

Говорить о лице как о добросовестном, по нашему мнению, можно лишь применительно к конкретной юридической ситуации. Следовательно, лицо является добросовестным, если при реализации целеполагания оно «не знало и не могло знать» (ст. 302, 222, 698 ГК РФ) либо «не знало и не должно было знать» (ст. 335, 174,

189, 901 и др. ГК РФ) о юридической ущербности существенного для достижения цели фактического обстоятельства.

Исходя из текста статей 302, 335 ГК РФ, под недобросовестностью можно, по нашему мнению, понимать субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание, знало или могло знать (знало или должно было знать) о юридической ущербности существенного для достижения цели фактического обстоятельства. Для обозначения недобросовестности в субъективной оценке лицом юридической ущербности фактического обстоятельства могут быть также использованы два словосочетания. Применительно к статье 302 ГК РФ — «знало или могло знать», а к статье 335 ГК РФ — «знало или должно было знать».

Соответственно, лицо является недобросовестным, если при реализации целеполагания оно «могло знать» (ст. 302, 222, 698 ГК РФ) либо «должно было знать» (ст. 335, 174, 189, 901 и др. ГК РФ) о юридической ущербности существенного для достижения цели фактического обстоятельства.

Заметим, что, по мнению референтной группы филологов и психологов, для обозначения недобросовестного лица вместо словосочетания «могло знать» корректнее использовать словосочетание «не могло не знать» и, соответственно, вместо словосочетания «должно было знать» — словосочетание «не должно было не знать». Анализ предложенного подхода не входит в предмет нашей статьи, однако, полагаем, может представить отдельный интерес в будущем.

Перед «контекстным» рассмотрением положений налогового права заметим, что в данной отрасли неосторожная форма вины на виды не подразделяется [5, с. 28]. Потому разграничение между виновностью и невинностью проводится по наличию или отсутствию признаков неосторожности в целом.

Из пункта 3 статьи 110 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) следует, что лицо является виновным в совершении правонарушения по неосторожности, если оно не осознавало, но должно было и могло осознавать противоправный характер своего поведения либо вредный характер последствий своего поведения.

Иными словами, чтобы лицо было виновным в совершении правонарушения, минимально необходимой является следующая характеристика его субъективного состояния: противоправность своего поведения, либо вредный характер его последствий субъект по меньшей

мере «должен и может осознать». Поэтому неосторожную виновность можно определить как субъективное состояние лица, которое при совершении правонарушения не осознавало, но должно было и могло осознать противоправность своего поведения либо вредный характер последствий своего поведения.

Соответственно, невинность можно определить как субъективное состояние совершающего правонарушения лица, которое фактически не осознавало и при этом не должно было или не могло осознать противоправность, либо вредный характер последствий своего поведения.

Выше нами охарактеризованы добросовестность со смежными понятиями на базе положений ГК РФ, а также виновность в совершении неосторожного правонарушения (далее — виновность) со смежными понятиями на базе положений НК РФ. Для последующего сравнения конструкций требуется приведение формулировок, касающихся добросовестности, невинности, а также их смежных понятий, к общему логико-терминологическому знаменателю. В этих целях необходим ряд лингвистических допущений, что позволит построить сопоставимые модели понятий.

В порядке обобщения вместо словосочетаний «существенное для достижения цели фактическое обстоятельство» (в конструкциях добросовестности и смежных), а также «поведение лица» и «последствия поведения лица» (в конструкциях виновности и смежных) полагаем возможным использовать обобщающее понятие «значимое обстоятельство». Для обозначения же юридической порочности явлений, актуальных для состава добросовестности, а также противоправности поведения и вредоносности последствий поведения лица в налоговой сфере, представляется валидным обобщающий термин «юридическая ущербность значимого обстоятельства».

В анализируемой конструкции ответственности юридическая ущербность поведения и его последствий заключается в их, соответственно, противоправности и вредности. Если в контексте предлагаемых допущений анализировать пункт 3 статьи 110 НК РФ, то для налоговой ответственности необходима альтернативная либо одновременная юридическая ущербность «поведения» или «последствий». Поэтому если рассматривать поведение и последствия как единый «деятельностный комплекс», то юридическая ущербность хотя бы одного из элементов комплекса достаточна для ущербности всего

комплекса. В силу этого в качестве «значимого обстоятельства» представляется обоснованным рассматривать совокупно единый двухэлементный комплекс, включающий поведение лица и его последствия, а в случае юридической ущербности хотя бы одного из элементов комплекса считать юридически ущербным весь комплекс.

Также заметим, что в конструкциях добросовестности и виновности для обозначения субъективного отношения лица к ущербности обстоятельства использованы базовые и производные формы глаголов, соответственно, «знать» и «осознать». По мнению референтной группы филологов и психологов, для контекстных целей допустимо считать данные глаголы тождественными. Поэтому глагол «осознать» в модельных конструкциях виновности будет заменен на глагол «знать» с соответствующей редакционной адаптацией.

И, наконец, в большинстве контекстных случаев словосочетание «совершение правонарушения» в конструкциях виновности и смежных считаем допустимым заменить на более общее понятие «реализация целеполагания», оговорив, что при неосторожной вине поведенческое целеполагание противоправность цели исключает.

Схематизируя понятия, базирующиеся на содержании статей 302, 222, 698 (335, 174, 189, 901 и др.) ГК РФ, получаем следующие модели:

— добросовестность — субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание, не знало и не могло знать (не знало и не должно было знать) о юридической ущербности значимого обстоятельства;

— лицо является добросовестным, если при реализации целеполагания оно не знало и не могло знать (не знало и не должно было знать) о юридической ущербности значимого обстоятельства;

— недобросовестность — субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание, знало или могло знать (знало или должно было знать) о юридической ущербности значимого обстоятельства;

— лицо является недобросовестным, если при реализации целеполагания оно могло знать (должно было знать) о юридической ущербности значимого обстоятельства.

Результатом схематизации виновности и смежных понятий, основанных на содержании пункта 3 статьи 110 НК РФ, являются следующие модели:

— виновность — субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание, не зна-

ло, но должно было и могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства;

— лицо является виновным если при реализации целеполагания оно не знало, но должно было и могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства;

— невиновность — субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание, фактически не знало и при этом не должно было или не могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства;

— лицо является невиновным, если оно при реализации целеполагания не знало и при этом не должно было или не могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства.

Сопоставление схематизированных понятий можно, на наш взгляд, начать с моделей недобросовестности и виновности (табл. 1).

Как видно, виновность исключает знание о юридической ущербности значимого обстоятельства. В модель же недобросовестности такое знание включено. Потому недобросовестность, в отличие от виновности, может быть как умышленной (знало), так и неумышленной (могло или должно было знать).

Если исходить даже только из того, что вопрос о недобросовестности, как правило, возникает лишь при фактическом нарушении недобросовестным лицом чужих прав (последствие реализации целеполагания), то, говоря условно, верхняя граница потенциальной вредоносности умышленной недобросовестности гораздо выше потенциальной вредоносности виновности (неосторожной). Между тем выше верхней границы вредоносности виновности находится и вредоносность умышленной виновности (п. 2 ст. 110 НК РФ), подразумевающая (используя модельную терминологию) знание лица о юридической ущербности значимого обстоятельства. В данном контексте умышленная недобросовестность по логической конструкции полностью совпадает с умышленной виновно-

стью. Следовательно, данный вид недобросовестности можно полностью отождествлять с виновностью.

Сравнивая же виновность с неумышленной недобросовестностью, следует обратить внимание, что для виновности минимально необходимым является одновременное наличие двух логических элементов — как обязанности лица знать о юридической ущербности значимого обстоятельства (объективный критерий виновности), так и персональную возможность лица к этому (субъективный критерий виновности). Для недобросовестности же достаточен лишь один критерий — либо субъективный критерий (например, ст. 302 ГК РФ), либо объективный критерий (например, ст. 335 ГК РФ). Иными словами, нижняя граница вредоносности неумышленной недобросовестности ниже такой же границы виновности. Поэтому часть проявлений неумышленной недобросовестности нельзя отождествлять с виновностью.

Сопоставление схематизированных понятий следует продолжить на моделях добросовестности и невиновности (табл. 2).

Из таблицы 2 также видно, что для невиновности достаточно отсутствия хотя бы одного из критериев виновности — объективного, указывающего на обязанность, либо субъективного, указывающего на персональную возможность лица знать о юридической ущербности значимого обстоятельства.

В составах статей 302 ГК РФ и смежных обязательным для добросовестности является отсутствие субъективного критерия недобросовестности (лицо не «могло знать»). Если же субъективный критерий «могло знать» присутствует, а отсутствует объективный критерий «должно было знать», то отсутствие объективного критерия в данном случае не имеет значения, а лицо является недобросовестным. Таким образом, если отсутствие объективного критерия «должно было знать» в конструкции вино-

Таблица 1

Сопоставление моделей понятий «недобросовестность» и «виновность»

Недобросовестность	Неосторожная виновность
субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание,	
знало или могло знать (ст. 302 ГК РФ), знало или должно было знать (ст. 335 ГК РФ)	не знало, но должно было и могло знать
о юридической ущербности значимого обстоятельства	

Таблица 2

Сопоставление моделей понятий «добросовестность» и «невиновность»

Добросовестность	Невиновность
субъективное состояние лица, которое,	
реализуя целеполагание,	
не знало и не могло знать (ст. 302 ГК РФ), не знало и не должно было знать (ст. 335 ГК РФ)	не знало и при этом не должно было или не могло знать
о юридической ущербности значимого обстоятельства	

ности само по себе означает невиновность, то для недобросовестности по статьям 302 ГК РФ и смежным это не имеет значения.

Следовательно, в конструкции статей 302 ГК РФ и смежных, если лицо не знало и при этом не только могло, но и должно было знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, то оно одновременно является и недобросовестным (по субъективному критерию «могло знать»), и виновным (по совокупности критериев — объективного «должно было знать» и субъективного «могло знать»); соответственно, если лицо не знало, не должно было, но могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, оно является недобросовестным (по наличию субъективного критерия), но невиновным (отсутствие одного из двух критериев виновности).

В составах статей 335 ГК РФ и смежных обязательным для добросовестности является отсутствие объективного критерия недобросовестности (лицо не «должно было знать»). Если же объективный критерий «должно было знать» присутствует, а отсутствует субъективный критерий «могло знать», то отсутствие субъективного критерия в данном случае не имеет значения, а лицо является недобросовестным. Таким образом, если отсутствие субъективного критерия «могло знать» в конструкции виновного поведения само по себе означает невиновность, то для недобросовестности по статьям 335 ГК РФ и смежным это не имеет значения.

Следовательно, в конструкции статей 335 ГК РФ и смежных, если лицо не знало и при этом не только должно было, но и могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, то оно одновременно является и недобросовестным (по объективному критерию «должно было знать»), и виновным (по совокупности критериев — объективного «должно было знать» и субъективного «могло знать»); соответственно, если лицо не знало, не могло, но

должно было знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, оно является недобросовестным (по наличию объективного критерия), но невиновным (отсутствие одного из двух критериев виновности).

Таким образом, если при неосторожной недобросовестности лицо одновременно должно было и могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, то лицо является виновным с точки зрения подходов к виновности, предлагаемых такой отраслью публичного права, как налоговое право. При умышленной же недобросовестности лицо с точки зрения конструкций налогового права во всех случаях является виновным.

Необходимо сделать одно принципиальное, но очевидное замечание.

Принимая во внимание предусмотренный пунктом 7 статьи 3 НК РФ принцип толкования всех неустранимых сомнений, противоречий и неясностей актов законодательства о налогах и сборах в пользу налогоплательщика, считаем, что границы виновности в налоговом праве (публичном праве) не могут быть шире границ виновности в гражданском праве (частном праве). В силу этого, если в поведении лица имеются «модельные» признаки его виновности с позиций налогового права, то такое лицо во всяком случае является виновным и с позиций гражданского права. Поэтому недобросовестные лица, являющиеся виновными с точки зрения налогово-правового подхода, являются виновными и с точки зрения гражданско-правового подхода.

Это позволяет сформулировать, в частности, следующие выводы.

1. Если недобросовестное лицо знало, либо должно было и могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, то в случае нарушения чужих прав такое лицо считается виновным в наступлении последствий ущербности.

2. Недобросовестность участников гражданских правоотношений, допустивших виновное нарушение чужих прав, предполагается.

3. Добросовестность участников отношений, невиновность которых в совершении правонарушения доказана, предполагается.

В завершение представляется уместным предложить формулировку субъективной добросовестности с использованием конструкции невиновности в гражданском праве.

Добросовестность — предповеденческое субъективное состояние лица, основанное на достаточной степени его заботливости и осмотрительности в оценке юридических свойств актуальных для правоотношения фактических обстоятельств.

Примечания

1. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: «Лекс-Книга», 2002. 160 с.

2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Книга первая. Общие положения. М.: Статут, 1999. 848 с.

3. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юридическая литература, 1970.

4. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, ответственность. М.: Статут, 2010. 423 с.

5. Крохина Ю.А. Правовая охрана механизма налоговых отношений // Финансовое право. 2010. № 11. С. 27—32.

References

1. Emelyanov V.I. Reasonableness, conscientiousness, non-abuse of civil rights. Moscow: "Lex-Kniga" Publ., 2002. 160 p. (In Russ.)

2. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law: Book one. Generalities. Moscow: Statute Publ., 1999. 848 p. (In Russ.)

3. Matveev G.K. Grounds for civil liability. Moscow: Legal literature Publ., 1970. (In Russ.)

4. Lukyanenko M.F. Evaluation concepts of civil law: reasonableness, conscientiousness, materiality. Moscow: Statute Publ., 2010. 423 p. (In Russ.)

5. Krokhnina J.A. Legal protection of the mechanism of tax relations. *Financial law*, 2010, no. 11, pp. 27—32. (In Russ.)